

Геннадий Сазонов

Из цикла «Зимнее чудо со мною...»

Звёздный вечер
Я на земле этой древней
Снова счастливым стою.

Нежным мерцанием далёким
Мне о любви говорят,
Взглядом ласкают стоюким...

Всё отпесняет земное,
Душу в объятия зовёт.
Зимнее чудо со мною -
Звёздных светил хоровод.

На берегу Нурмы
Под горой река бежит безмолвно,
Ёлки встали на горе в ранжир...

Тишину не передать словами,
Не вместить и мыслью не объять...
В тишине, в безмолвии над нами
с неба льётся Божья благодать...

Это чудо в стороне неброской,
где пройдёшь мостками вдоль перил,
Муж святой - божественный Обнорский* -
светлой своей жизнью сотворил!

* Павел Обнорский (1317 - 1429) основатель Павло-Обнорского монастыря на р. Нурма.

Голос
Мне голос твой о многом скажет,
Души откроет жаркий пыл,
И сердца зов, и то, что даже
Мне голос твой не говорил.

Слова не в счёт, и только голос
Покажет глубину твою,
где долг и чувство вновь боролись
У бездны, может, на краю...

Проснусь, очарованный утром:
Туманная дымка в окне,

Родился в 1950 году на станции Пожитово Торжокского района Тверской области. Окончил Ленинградский государственный университет. Более 20 лет отработал в издательстве «Литфонд России».

И странником голым, разутым
Сосулька почудится мне.

Тропинкой, морозно звенящей,
За дом, огорода пройду,
И там, за берёзовой чащей,
В долине увижу звезду.

С далёких небес, не сгорая,
Упала в метельный наш пух
И светом так чудно играет,
Что просто захочется дуть!

Эскиз
В разгуле войн, и митингов, и улиц,
Где всякий кровью брата
сыт и пьян, -
Начало Века и конец сомкнулись
Под знаком истребления славян!

Вожди-рабы народы разделили,
И торг открыт...

Не проданы пока напевы птиц
и блеск озёрных лилий,
бездонный воздух, я
и облака...

Поэтессе
Что сделала любовь с тобою?
Согнула, к дряхлости svela...
За дальней дымкой голубую
Твою сердечные дела...

В твою судьбу в тиши вникаю...
И выше за окном заря...
И плачу я: о, Бог! какая
тобою жизнь прожита зря!

Галина КУПРИЯНОВА, ласково называемая друзьями и почитателями Угранская Ласточка, - студентка Литературного института имени Горького.

Жизнь
Я не скажу, что эта жизнь простая,
И непостоянство её не назову, -
Лишь потому, что многого не знаю
Лишь потому, что только узнаю,

Но отмечаю: сквозь свои затмения
Она мне дарит отблески огня.
И я молюсь, конечно, без сомненья,
На случай тот, что ранит вдруг меня,

На случай тот, что даже и не просит,
Кто я ему, противник или друг.
Ведь жизнь порою нас туда заносит,
Где только смерти неборный круг...

Но на груди всегда заветный крестик,
В душе нетленно держится Иисус;
Не правит мною злая жажда мести,
А если есть, отмаливаю груз...

Я не скажу, что эта жизнь простая,
И непостоянство её не назову, -
Лишь потому, что многого не знаю,
Лишь потому, что только узнаю...

Любимому поэту
Ночное дыхание роз
Так сладко в душе раздаётся,
И нежно в мерцанье берёз
Гитарная песня смеётся.

А сердце знакомый мотив -
Как ветер прохладный, весенний.
Средь этих застенчивых ив
Как будто прошёлся Есенин.

Я в золоте лунных лучей
Вдыхаю ночную прохладу.
Прекрасней всех громких речей
Мне эта родная баллада.

О клёнах играла струна,
и Русь восточная, и выюги;
Звездела моя сторона,
Влюблялись друзья и подруги.

Изнеженно пел соловей,
Но только в сиреневой дымке
Не слышали птичьих речей,
Смеясь и рвывая в косынки.

Один восхвалялся певец
Под шорох жемчужных растений,
И не был положен конец
Тем песням, что выткал Есенин.

За чудно сплетённую нить,
За милые нежные фразы
Я сердцем готова любить -
Любить, не увидев ни разу.

Дарите, берёзки, поклон
Родному певцу и поэту!
Питарный малиновый звон
Раздольно гуляет по свету!

Гуляет как память о том,
Кто гением нами зовётся,
Кто снова с весенним дождём
В горячую душу вольётся.

Ночное дыхание роз
Расстало майским рассветом,
И снова в мерцанье берёз
Любимого слышу поэта...

Я Родину свою люблю до боли,
Люблю её восторженный уют,
Люблю её красивые раздолья,
Где песни под гармонику поют!

Я родину свою люблю, как лето,
Люблю её цветущие дары,
Душа моя черёмухой согрета,
Как эти разноцветные боры.

Я родину свою люблю. Стихами
Люблю её красоты воспевать,
Она со мной и в счастье, и в печали,
Она, как я, умеет удивлять.

Я родину свою люблю навеки,
А как её возможно не любить?!
Как колокол, звенят родные реки,
И этот звон душевно не забыть.

Я родину свою люблю сердечно;
Я дочь её, я часть святой земли.
Себе желая счастья бесконечно,
Я ей желаю счастья и любви!

Природные иконы
Очень больно понимать:
С каждым шагом жизнь короче...
Как люблю я эти ночи,
Как боюсь их потерять!

В звёздном небе всё прекрасно,
Месяц ярче и добрей,
Очень важно не напрасно
Очень важно не напрасно

Мой край
Устали плакать небеса,
Утихли светом нежным звоны, -
Я вновь смотрю в твои глаза,
О, край, прекрасный и бездонный.

Смотрю и вижу синь лесов,
Лазурный омут небосвода,
И вновь душе моей тепло,
И вновь врачует боль природа,

И нет во мне былых обид,
Нелепой грусти, дней суровых.
И снова в памяти горит
Твой крошечный лик в лесах сосновых.

И я красе твоей молось
Простым и кратким ясным словом...
А может быть, и я явлюсь
Для всех божественным и новым?

Родина моя
Сплела заря из алых нитей платье,
Раскинулась, багряна и чиста.
Журчит ручей, горит алмазной гладью -
И холодком ложится на уста.

Шекочет руки рожь росистой остью,
И пьют ромашки неба синеву...
Мой край, не встречу меня, как гостя,
Одним тобой люблю и живу.

Позволь в тебе, как мёдом, насладиться
Осеням зари, просторам полей!
Позволь испить твоей живой водицы,
Позволь услышать крики журавлей!

Иду я к зорьке, в поле золотое,
Ни радости, ни горя не тая.
И вновь апрель, и мир дурманом дышит,
И сердце ритмы путает в ночи.

Ты что-то говоришь,
меня не слыши.
И лишь Господь
всё слышит.

И вновь апрель, и мир дурманом дышит,
и сердце ритмы путает в ночи.
Ты что-то говоришь,
меня не слыши.

И лишь Господь
всё слышит.
И молчит.

Селигер
Свеченье неба над водой
И красота вокруг без меры -
Вот достославный образ твой,
Простор родного Селигера!

Его ты бережно хранишь,
Как сон веков, в медвежьих лапах.
Незабываемая тишь...
И острый папоротника запах...

Свою усталость мы несём
Тебе, и лечишь ты печали.
Здесь блазость чудится во всём,
Как будто видишь мир в начале...

Всё - для любви и для добра,
Без тени зла и потрясений.
И на воде - из серебра
Дорожка в рай, ещё весенний.

Какая светлая вода!
Какая ласка в ней и нега!
И, покорённый навседа,
В неё бросаюсь я с разбега...

Радуга
Гроза в долине разярилась,
на сад низвергла дождь косой...
И вот над лесом
заискрилось широкой чудной полосой!

Какая радуга на небе!
Бог примирения за ней.
Не только о насущном хлебе
подумай в сутолоке дней.

Смотри, как радуга разбегом
Полнеба сразу обняла...
Так милость божья к человекам
И есть, и будет, и была!

Картинка
Вечер весенний
как дивная книжка,
запах черемухи...
А меж дворов
весёлый парнишка тачку, гужённую до краёв.

Вот он, в котельной, напарника длинно
выругал: «Быстро сжигаешь, осёл!»
Газ наш дошёл до Стамбула, Берлина...
А до посёлка - ещё не дошёл.

Вечером дивным
богач наш в манишке
пьёт на Канарах -
за бедность отцов!
Ну, а в России возит парнишка
тачку, гужённую до краёв.

И позолота с дней уже сошла,
и меркнут незакатные светила...
Я позабыла всех, кого любила,
и отпустила всех, кого любила.

Я знаю наперёд прологи и развязки
и кожей узнаю пути на эшафот.
Сорвите ж сглаз моих проклятую повязку -
я вижу сквозь неё:
мой не пришёл черёд.

Нам среди тысяч солнц одно дано судьбою.
И сердце не пьют слезящие НЕ ТЕ.
А если час пробьёт, то выбор лишь за мною,
и я сгорю лишь там, в желанной высоте.

А музыка звучит...
Пусть даже режут связки -
я буду взглядом нет, пока ещё дышу...
Я знаю наперёд прологи и развязки
быть может оттого,
что их себе пишу.

За тыщи миль, за сто веков вперёд
Я знаю неизбежность нашей Встречи.
И ни к чему запреты, козни, речи...
И даже смерть здесь не идёт в расчёт.
Ведь там, за Гранью Граней,
в ином обличье и в мирах иных нас всё равно, как два комочка ртути, Столкнёт. Притянет. И соЕДИНит.

Всё скомкано - и это плата
за глушость сердца, за обман ума.
Не торопи меня на плаху.
Помедлю... и взойду сама.

И вновь апрель, и мир дурманом дышит,
и сердце ритмы путает в ночи.
Ты что-то говоришь,
меня не слыши.

И лишь Господь
всё слышит.
И молчит.

За то, что поздно появилась
и что не отняла, прости.
Я, кажется, любила сильнее,
чем могла.

А спеть...
я всё спую, не подвела б,
не оборвалась строка.

За новой иностранной рамой
гнилой скрывается фасад...
Мне не простят любви к Абрамову,
к Белову - тоже не простят,
и к Балашову убиенному,
чей лик на сердце у меня...

За этой рамой отменной
кипит, клокочет злора дня.
Там вековые опоры
корчуют и ломают вновь,
и низвести желают скоро
мою к Абрамову любовь...

Крушат народность (всё им мало!),
приняв американцев вид...
Что ж, корчевателей хватало.
А Русь стояла и стоит.

Мёд
Мёд весенний - пахуч, ароматен
и горяч, словно губы твои...
Соткан вечер из солнечных ятвен,
И ликуют над ним соловьи.

Мёд дарённый весенний - как чудо,
исцеляет он грусть и тоску...
Я о них навседа позабуду.
И пойдём мы гулять за реку.

Взял распластанный
всего на мгновение -
будто в вечность я в нём уношусь...
И колен твоих прикосновение
Обожжёт, как пчелиный укус...

Вавилонская притча
Живём, как в древнем Вавилоне:
грехов своих не замечаю,
о скудном быте хором стоим
и хлещем водку вместо чая,
в раздорах и страстях сгорая.

Живём, как в древнем Вавилоне:
Астроологи поют нам в уши
свой бред фальшивым гнусным тоном,
что глас Божественный в нас глушит,
во тьму вверхя наши души.

Живём, как в древнем Вавилоне:
всё в беспрерывной нервной спешке;
закон у нас - что нет законов;
и головы летят, как пешки,
и в завтра мы не метим вежки.

Что стало с Вавилоном, вспомни:
Он был разрушен силой Свьише.
О, древние каменоломни!
Их голосов давно не слышат
ни под какой земною крышей.

Живём мы, семя Вавилона...
Но, словно дети, верим в чудо,
что выше права и закона -
и ждём его из ниоткуда...
Поступок
Памяти композитора Валерия Гаврилина
Томительно русскому духу
попрание Родины зреть.

Даже если жизнью наказанье
на исходе, что же, не беда.
Ты - моё последнее желанье
перед восхождением в Никуду.

Задор остыл, дурман исчез,
и память никого не судит.
Венчал ли Бог? Смутил ли бес?
- Шутили оба. Ну, и будет.

Репетиция
Сто веков на исходе...
С масок сброшены лица.
Скажи, ты вправду уходишь,
иль это так... репетиция?

Я отдаю долги - подставьте шляпы:
всё как положено - как в час перед концом.
Не надо каяться, ведь я не Римский папа,
а сантименты портят вам лицо.

Всю боль, всю жизнь до дна,
до самой капли,
чтобы уйти, как ветер,
налегке,
Я отдаю... Подставьте шляпы -
всем по одной непонятой строке.

Уйду...
чтобы не видеть и не слышать,
и не знать ничего.
Сожму - и ветер по свету развеев.
Мне затаяни молчаньем креще шую,
чтобы не пела большие никому.

С годами горше и острей
всё та же грусть.
Руки твои, судьбы твоей
я не коснусь.

Смеялась, пела - хватит,
ни к чему!
Сожму - и ветер по свету развеев.
Мне затаяни молчаньем креще шую,
чтобы не пела большие никому.

А дни мои длиннее и длиннее,
всё короче - года.
Одни мы во Вселенной не останемся
с тобой никогда.

Успеть прожить все жизни не дано,
и, видно, нить коротка.

А спеть...
я всё спую, не подвела б,
не оборвалась строка.

Свинцовую оплеуху
нанёс ей свердловский медведь...

И вытер о Родину ноги,
в похабности зверства велик!
«Я думал о счастье многих...» -
твердил его лживый язык.

Томительно
Гению звуков разятой Гармонии зреть...
Где правит холоуства наука -
там лучше совсем умереть!

Но виделась Гению звуков
грядущая русская даль...
Отринув унынье и муку,
он сел за любимый роля.

И чудная музыка сразу
заполнила весь русский мир,
гоня, отпесняя заразу,
что сеял враждебный кумир;

звучала над хаосом быта,
от звёзд до кладбищенских плит,
и всем возвещала открыто,
что русский народ не убит,

что будущим снова он бредит...
Звонок! Где от двери ключи?
«Вам премию от Медведя
пришли мы покорно вручить.

Быть может, симфонию даже
Вы сложите в его честь...»
О, знали чины от продажи,
что Гению не на что есть!

Медведь, уж довольный, смеётся.
Но Гения голос - как звон:
«Искусство не продается!
Подите, прислужники, вон!»

О деревне
Ты - полумёртвая моя,
живая память о народе -
о жизни Небеса моля,
в небытие навек уходишь...

Ещё стоишь вдоль шумных трасс
смирной нищенкой убогой;
Но там, где нет в помине нас,
ушла ты вечности дорогой.

Каких сынов рождала ты:
героев Неба и Отчизны!..
Теперь их ржавые кресты
не отыскать на пире жизни.

Всё - прахом, всё - быльём навек...
Но в смерть твою никак не верю,
И всё - наивный человек -
лицу бесценную потерю.

Нонна АЛИЕВА родилась в г. Баку. Окончила филологический факультет государственного университета по специальности - русский язык и литература. С 1990 года живет в Дмитровграде. 20 лет работает в городской газете. С 1998 года - член Союза Писателей РФ. В 1997 году стала победителем литературного конкурса «Новые имена» (Саратов), в 2009 - регионального конкурса Союза журналистов в номинации «очерк».

Я больше глаз не отведу
от глаз твоих.
Я от себя в себя уйду,
но не от них.

Мне незабытые слова
принадлежат,
и в жизнь мою стучится тот
смущённый взгляд.

С годами горше и острей
всё та же грусть.
Руки твои, судьбы твоей
я не коснусь.

Смеялась, пела - хватит,
ни к чему!
Сожму - и ветер по свету развеев.
Мне затаяни молчаньем креще шую,
чтобы не пела большие никому.

А дни мои длиннее и длиннее,
всё короче - года.
Одни мы во Вселенной не останемся
с тобой никогда.

Успеть прожить все жизни не дано,
и, видно, нить коротка.

А спеть...
я всё спую, не подвела б,
не оборвалась строка.

Родится знание из запретов
и выбора на развилках.
Не делайте ссылку на поэтов,
которых не было в ссылках.